



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Если вы что-то знаете, значит, вам это рассказал каар.

Поговорка

— Ты понимаешь, чем мы рискуем в случае провала? — поинтересовался маг.

— Мы рискуем, да! — ответил его собеседник. — Мы рискуем, но наша цель оправдывает все. Нам нужен кристалл. Совсем немного отделяет нас от победы.

— Ты так уверен, что все получится? — Маг зло сверкнул глазами. — А ты не боишься, что этот план провалится? И мы все вместе с ним!

— Я не доверяю случаю, — усмехнулся собеседник. — Я все делаю сам.

— Сейчас ты хочешь повернуть это дело *чужими* руками. — Маг с силой рассек воздух ладонью. — Моими руками!

— Не переживай. — Говорящий был спокоен. — Вот увидишь, все будет так, как я сказал.

— Ты уверен, что правильно выбрал? — не унимался маг.

— Старуха перед смертью клялась, что отдала кристалл ей. Я сейчас думаю о другом: нам нужно найти проводника. Даже среди магов такие встречаются очень редко.

— Ты веришь в пророчество? — Чародей удивленно приподнял бровь.

— Пока что все, что было в нем описано, сбылось. Я не вижу причин ему не доверять. Всего через несколько недель империя будет моей!

— *Нашей*, — воскликнул маг.

— Да, нашей, — ухмыльнулся его собеседник.

Перед глазами плыли цветные круги. Красные, белые, синие. Нала потеряла слипающиеся веки, прогоняя сон подальше от маленького круга света, что давала догорающая свеча. В доме все давным-давно спали, ничто не нарушало тишину.

Можно было спокойно подумать, но спать хотелось куда больше.

Несколько дней назад из столицы вернулся дядя. Он весь светился, как начищенный чайник, даже лысина гордо блестела. Уже через несколько минут не только домоладцы, но и рабочие были оповещены о том, что он добился участия в ритуале. Целый день дядя Итен рассказывал всем, кого встречал, как было сложно упротить советника императора («Что вы, что вы, императору не пристало заниматься такими мелочами!») и сколько денег ушло на взятки, чтобы договориться о личной аудиенции. И это еще не считая увесистого мешочка с монетами, который перекочевал в руки советника при встрече.

Но такие незначительные детали Итена Дарка не интересовали. Он радовался, как ребенок, полученному праву участвовать в Рэнноле. Пусть право это и было куплено.

Ритуал ввел когда-то император Илиаль, желая развлечь своих подданных, а по истечении почти десяти веков это стало чем-то вроде традиции. Вот только (как тогда, так и сейчас) в Рэнноле могли принимать участие жители империи не ниже четвертой ступени. К слову, тех, кто занимал эти заветные строки в списках переписчиков, было не так уж и много: шесть императорских советников с семьями, восемьдесят Высоких домов, как именовала себя знать, гильдия магов и каста высших купцов. Итого не более двух тысяч семей, отмеченных в соответствующих книгах. На деле же получалось, что желающих и имеющих возможность принимать участие в этом празднике от силы ежегодно насчитывалось чуть больше пары сотен. Но находились и такие семьи, которые, не

имея права участвовать в ритуале, на этот период снимали жилье в столице или переезжали в свои резиденции исключительно ради многочисленных приемов и балов, которыми славились короткие весенние деньки и теплые ночи в Иналь-Бередики. Вот и Итен Дарк заплатил немалые деньги, чтобы его причислили к касте высших купцов.

Восемь поколений Дарков жили в устье реки Сонэкрин и в глубоких пещерах Северного нагорья Криннорвиль добывали полудрагоценный камень рэннол. Как и любое таинственное место, ущелье близ реки славилось своими историями. Дядя Итен в подпитии любил вспоминать семейную легенду, рассказывая ее любому, кто желал и не желал слушать. Нала знала эту историю в мельчайших подробностях, стараясь не попадаться дяде на глаза, когда он находился в нужной для рассказов кондиции.

Дарки не были торговцами камня и даже не помышляли о его добыче, пока по чистой случайности один из них не забрел в эти места и не обнаружил огромный самородок рэннола. Происхождение самого рэннола также было легендой, на основании которой и выдумали ритуал (или наоборот, легенду придумали ради ритуала, кто знает).

Каждый рассказывал ее по-своему, но девушке нравилась версия дяди, она казалась слишком небывалой и сказочной, но от этого не менее завораживающей.

Когда-то в скалах Криннорвиль — веков эдак сорок назад! — обитали огнедышащие свирепые драконы. Они были столь кровожадны, что ни один человек по доброй воле не хотел приходить к реке Сонэкрин. В поисках сокровищ драконы огненным дождем поливали горы. Каменная порода, опаленная их дыханием, распадалась на рубиновые самоцветы. Но не эти сокровища искали ящеры, а не находя, проливали злые слезы. И их слезы обрачивались сине-голубыми камнями и падали в реку. Острыми шпорами драконы разрезали гладь Сонэкрин, и река заполнялась прозрачными, как вода, кристаллами.

Но однажды в эти скалы, где не жил никто, кроме драконов, забрела юная девушка. Она очень боялась ящеров

и не хотела идти в горы Криннорвиль, но это было единственное место в королевстве, где бы ее не стал искать отец. Девушка воспротивилась воле родителей, желавших выдать ее замуж за нелюбимого человека. Выйти же за того, кого она любила, ей не позволяли родные. Ее избранник был из более низкого по статусу рода, и подобный брак был невозможен.

Опечаленная этим, девушка решила, что лучше погибнуть в горах от когтей и клыков драконов, чем пойти против зова сердца. Несколько долгих и холодных осенних дней бродила она среди скал. Она так устала, что не заметила, как уснула, примостившись у корней какого-то дерева. Там-то и заметил ее один из драконов. Он очень удивился, обнаружив человека. Но тут же свирепо потребовал у девушки ответа на вопрос, как и зачем она оказалась в Криннорвиле.

Испуганная девушка расплакалась и поведала, что убежала из родительского дома. Выслушав ее сбивчивые речи, дракон вдруг заявил, что может ей помочь. Он поднялся в небо и улетел, но вскоре возвратился, держа что-то в лапах. Разжав когти, он высыпал на землю перед девушкой свою ношу. Среди комьев земли и трухи отыскалось немало крупных красных и синих самородков и прозрачных камней, похожих на алмазы.

Дракон велел девушке взять кристаллы и возвращаться к родителям. А чтобы никто не сомневался в рассказе о встрече с ним, ящер вырвал из своего чешуйчатого панциря одну пластинку, еле помещавшуюся у девушки на ладонях.

Она вернулась домой и сказала родителям, что дракон освободил ее от брака с тем, кого она не любит, и повелел выйти за любимого ею юношу. Увидев камни и чешуйку, родители девушки не стали противиться и согласились. Камень в память о произошедшем назвали рэннол, то есть выбор.

Через несколько веков после этого драконы покинули Северное нагорье, отправившись куда-то за море. И в горах Криннорвиль стали добывать рэннол. Спустя какое-то время королевства на континенте поглотила импе-

рия Роннавел, объединив в себе множество историй и мифов всех народов. Каждый по-своему рассказывал легенду о происхождении удивительных разноцветных камушков. Нала знала по меньшей мере дюжину самых разных объяснений, и это при том, что в доме семейства Дарк, затерявшемся среди труднопроходимых гор, мало кто любил читать, отчего в библиотеке на полках пыли скопилось больше, чем книг.

После того как появился императорский ритуал, отношение к камню изменилось. Да и само предание сильно исковеркали. Теперь раз в год, весной, знать съезжалась в столицу империи, где в течение нескольких недель устраивались гуляния, пиршества и соревнования, по окончании которых и проходил обряд. Все пожелавшие принять участие в Рэнноле обязаны были одеться в цвета камня: красный, синий или белый.

Сам ритуал был очень прост: юноша подходил к понравившейся девушке и спрашивал у нее, каков будет ее выбор. Если девушке нравился этот юноша и она была согласна выйти за него замуж, то надевала ему на шею ожерелье из рэннола, обработанного в виде небольших квадратных бусинок. После этого юноша становился женихом девушки. И никто из их родителей не мог оспорить это решение.

Каждый преследовал на празднике свои цели: богатые и знатные родители хотели счастья своим детям, семьи, не отличавшиеся особой знатностью, хотели породниться с более древними родами; обнищавшие — обзавестись богатыми родственниками. Сами же юноши и девушки зачастую уже были знакомы друг с другом, а у многих даже была некая договоренность.

Семьи ниже четвертой ступени о подобном и не помышляли, считая все это глупой забавой знати. Но Итен Дарк был не из их числа. Его тщеславие не умещалось в маленьком двухэтажном домике с прилежавшими к нему рудником и поселком рабочих. Итен верил в то, что Дарки во что бы то ни стало должны возвыситься над другими. Эта идея преследовала дядюшку уже многие годы.

Для достижения желаемого он даже готов был отдать все, что у него было.

Он верил, что возможность породниться со знатным семейством у него очень велика. Не зря же его дочери, Ксана и Вилена, были просто сказочно хороши собой! А по его сыну и наследнику вздыхала каждая девушка старше двенадцати лет во всех деревеньках добытчиков в округе.

Нала, слегка хмурясь (только бы дядя не заметил), наблюдала за его хлопотами. Много, ох как много заработанных на добыче кристалла денег уходило (будто в колодец падало!) на дядину затею. Маленький семейный рудник, кормивший Дарков и три дюжины работников, еле справлялся с подобным.

В устье и долине реки Сонэкрин насчитывалось больше десятка семей, добывавших рэннол, но ни одна другая не желала так страстно стать Высоким домом, как этого хотели Дарки.

Тетя Майя, властная женщина с вечно презрительно изогнутыми тонкими губами, злыми искорками в глубине карих глаз и зачесанными наверх черными волосами, муштровала слуг с утроенной силой, будто уже сейчас ощущая себя в роли знатной госпожи и хозяйки золоченых палат. Не забывала она покрикивать и на дочек, только силой своего голоса загоняя их в тугие корсеты.

Ксана и Вилена внешне совсем не походили на тетю Майю — светловолосые, высокие, они разительно отличались от нее. Ксана порой бывала высокомерной и язвительной, в то время как Вилена больше напоминала нежную садовую розу — девушка редко повышала голос даже на слуг, была мила, приветлива и добродушна. Зная рассеянность и мягкотелость Вилены, Ксана часто брала на себя бразды правления в их паре, принимая решения.

К Нале сестры относились двояко. Она все же была бедной родственницей, принятой в семью из милости. Иногда Ксана бывала жестока к девушке, но куда чаще близняшки предпочитали иметь Налу в союзниках, а не во врагах, особенно если дело касалось противостояния с Майей Дарк.

За это тетя, кажется, ненавидела Налу еще больше. Девушке почти каждый день напоминали, что в доме Дарков она живет из милости — ведь нельзя же выгнать на улицу родственницу. Тетя Майя не раз повторяла, что ее покойный брат Сен Линер специально все подстроил и погиб вместе со своей женой Мардж, лишь бы повесить Налу Даркам на шею.

Естественно, Нала знала, что это нелепо, но испытывала жгучую боль, в очередной раз выслушивая едкие речи.

Ко всему прочему, Нала вынуждена была мириться еще и с тем, что ее внешность далека от канонов привлекательности, принятых в империи. Зато кареглазые Вилен и Ксана считались настоящим эталоном красоты. На их фоне Нала просто терялась.

Старший сын Дарков, Ольсен, был больше похож на отца — невысокий, широкоплечий, с густыми темно-русыми волосами и правильными чертами лица. Он мог бы легко затеряться в толпе, если бы не врожденное обаяние, которое он пускал в ход, когда ему было что-то нужно.

Ольсен с дворянской расточительностью тратил имеющиеся наличные деньги и, не задумываясь, влезал в долги, а потом изобретал поистине хитроумнейшие способы по выманиванию средств у Дарка-старшего.

Дядя Итен и тетя Майя души не чаяли в своих детках, одаривая их любовью с обильностью тропических дождей, проливавшихся на южных берегах континента. Но не забывали и о множестве тумачов и придинок, чтобы трое их чад помнили об уважении к старшим.

Когда восемь лет назад в семью Дарков попала Нала, Итен и Майя чуть повздохали, но смирились с ее присутствием. Близняшки Ксана и Вилен некоторое время вели себя настороженно, ожидая, что с появлением «конкурентки» их благополучию придет конец, а когда ничего не произошло, совершенно успокоились. Ольсен же и вовсе не обратил на Налу внимания, будто та всегда жила в их доме.

Окруженная с самого рождения любовью и заботой родителей, Нала неожиданно оказалась предоставлена самой себе в огромном доме сестры своего отца. Никому не было до нее дела. Никто не следил за ее образованием,

манерами, воспитанием. Привыкшая получать все, будь то новое платье или книга, Нала была вынуждена смириться с тем, что здесь, у Дарков, ничего подобного уже не будет. Она донашивала одежду за близняшками, не отличавшимися особой аккуратностью, а что касается образования... Дарки полагали, что подобное вложение совсем не окупится (а уж о собственной выгоде они знали все!).

Но Линер есть Линер! Привитое родителями не было Налой забыто. Изо дня в день девочка перебирала в памяти мгновения прошлого. Все воспоминания были на месте и жили глубоко в сердце.

С острой тоской Нала из года в год, весной, оплакивала гибель своих родителей. Иногда ночью девушка просыпалась в холодном поту и со слезами на глазах, все еще слыша голос, безликий и сухой, повторявший одно и то же: «Судно, на котором плыли Сен и Мардж Линер, подверглось нападению черных осьминогов».

Линеры никогда не были богаты, но и не бедствовали. Из-за дара отца семье часто приходилось переезжать с места на место, каждый раз обживаясь заново. Сен был кааром, да еще и лучшим на Восточном берегу. Все детство Нала провела, наблюдая за родителями. Девочка не понимала, почему окружающие не похожи на них. Уже после она осознала, что каарами, особыми доверенными людьми, знающими все и вся, готовыми и способными выполнить любую прихоть, не становились просто так, по праву рождения или по чьей-то указке. Нет, кааром нужно было родиться и быть по характеру.

Так когда-то Сен Линер понял свое предназначение и отправился в столицу, где и получил посвящение, после чего смог знать все, что знали другие каары. Это было их особенностью. На некоем телепатическом уровне такие люди могли черпать сведения у своих собратьев, что позволяло почти мгновенно передавать известия по всей империи, не прибегая к услугам гонцов.

Сен в юности долгие годы прослужил при маге Эдвиле Сорке и оказался посвящен в неприятную историю семейства, произошедшую между Эдвилом и его дочерью Мардж. Ярости чародея не было предела, когда он узнал,

что его младшая дочь совершенно не обладает магическими способностями, ведь подобное было недопустимо для одной из семи главных магических династий. Желая избежать позора, Сорк решил быстро и без огласки выдать дочь замуж, дабы скрыть ее связь с семьей, а когда подобное ему не удалось, он попросту выгнал девушку из дома, хотя все родственники умоляли его о снисходительности. Но маг был непреклонен.

Сен Линер оставил службу на следующий же день. Он отыскал Мардж и попросил ее выйти за него замуж. Так появилась чета Линер, которая впоследствии стала одной из самых могущественных пар кааров во всей империи Роннавел.

Слушая тишину дремлющего дома и засыпая на ходу, Нала старательно нанизывала на шелковую нить увесистые кристаллы. В глазах рябило от монотонной работы. В луче света вспыхивали и гасли отблески: белые, синие и красные. Под пальцами Налы медленно оживала причудливая вязь камней — ожерелье для Ксаны. По старым традициям, украшение для предполагаемого жениха девушка обязана была сплести сама, но нынче мало кто обращал внимание на подобные мелочи.

Сама Ксана, как, впрочем, и Виленна, хныкала и отодвигала от себя блюдо, полное свежеработанного рэннола, стоило всего раз уколоть палец иглой. Тогда тетя Майя засадила за эту работу Налу. Ожерелья для близняшек должны были быть готовы через несколько дней, когда предполагалось отправиться в столицу империи Иналь-Бередики. Нала немножко надеялась, что Дарки возьмут ее с собой. Надеялась совсем чуть-чуть.

Никогда раньше девушка не была в столице и не видела Рэннола. А ей так хотелось. Участвовать в нем она, конечно, не смогла бы, но Нала мечтала хотя бы посмотреть на этот древний праздник.

Вздыхнув, девушка продолжила утомительное занятие, обдумывая узор ожерелья.

Небольшой каменный уступ скалы, омываемой солеными водами не по-весеннему бурного моря, часто при-

влекал внимание местных любителей понырять и поплавать. Этот день не стал исключением. На прогретых валунах нашла свое пристанище на ближайšie несколько часов группа молодых людей. Четверо из них были необычайно похожи: одинаковые рыжие волосы, карие глаза и вздернутые носы. Парни забавлялись, тягали друг друга за мокрые брюки, дергали за носы и обменивались шуточками. Пятый же, смеявшийся над шутками наравне с остальными, был черноволос и кареглаз. Ко всему прочему, молодой человек еще и возвышался над рыжеволосыми на добрых пять дюймов, но был не таким широкоплечим. Рыжие были родными братьями, звались Виком, Стеном, Роджем и Ленсом и носили фамилию Высокого дома Сеневиля. Кстати говоря, скала, у которой собрались молодые люди, и окрестные земли также принадлежали этой семье. Несмотря на схожесть их фамилии с родовой фамилией матери черноволосого, рыжие не были его родственниками.

Пятый молодой человек охотно откликался на имя Макс, хотя родители нарекли его Максимилианом. При беглом взгляде на темноволосого парня нельзя было даже предположить, что рыжие братья Сеневиля, при всей знатности своего семейства, не годились Максиму даже в подметки. Сам Максимилиан о своей семье говорить не любил, сообщая всего одну подробность: «Моего отца зовут Джорвин». Но и этого было достаточно. Любой человек в империи (если только у него не случилось внезапного помутнения памяти) знал, кто такой Джорвин. Был всего один человек, носивший это имя. Так звали императора.

Когда двадцать пять лет назад у императора Джорвина и императрицы Мириль родился сын, особой радости никто не испытал. Империя Роннавел уже имела двух наследников: Кристиана и Кельма. Кроме того, у новорожденного была еще и сестра, Марин.

И хотя по рождению Максимилиан был принцем, но никто об этом много не говорил, ведь вероятность восшествия его на престол была крайне мала.

Трон после Джорвина переходил к Кристиану по пра-

ву старшего сына. Но Кельм был не слишком согласен с этим. С имперским размахом он строил козни против брата, пытаясь очернить Кристиана в глазах отца, но пока все его усилия пропадали даром.

Макс никогда не завидовал братьям, предпочитая жить в свое удовольствие. Тем более его наследство по линии матери (а это были земли, объединенные в княжество Сенешвиль) приносило значительный доход благодаря многочисленным виноградникам, что позволяло молодому человеку вести безбедную жизнь. Макс не чувствовал себя претендентом на трон, да и отец не относился к нему так, как к старшим братьям, исключительность которых всячески подчеркивал. Но ни Джорвин, ни Кристиан, ни Кельм не подозревали, что Максимилиан вовсе не стремится к власти и не жалеет, что он последний в семье, ведь он находил в своем положении немало выгодных моментов.

Не связанный по рукам и ногам обязанностями кронпринца, Макс свободно перемещался по империи, заглядывая погостить к друзьям или родственникам. И ни капли не огорчился по поводу пропущенных приемов в Иналь-Бередики.

Все было бы просто чудесно в жизни молодого человека, если бы не мать. Мириль являлась единственным родственником третьего принца, кто при любом удобном и неудобном случае напоминал Максимилиану о его многочисленных обязанностях, одной из которых была женитьба. Мать из года в год заводила разговор о молодых и вовсе юных девицах, расхваливая их сыну. Макс же слишком дорожил свободой, чтобы связывать себя узами, именуемыми брачными. Но императрица не теряла надежды, что однажды ее сын соединит свою жизнь с девушкой из какого-нибудь Высокого дома или, на худой конец, с дочерью кого-нибудь из касты высших купцов.

— Что-то отец затянул с твоей женитьбой, — поддел старшего брата Ленс. Он только-только справил семнадцатилетие и теперь всю наслаждался своей относительной независимостью.

Вик обиделся и замолчал, прервав рассказ о проведен-

ном вместе со своей невестой времени. Рядом с молодым человеком на стопке его одежды мирно покоилось ожерелье из гладких бледных кристаллов. Вик осторожно погладил камешки, вспоминая, как год назад получил это украшение от единственной дочери Высокого дома Вэлленж.

— По мне, так и вовсе эта игра не стоит свеч, — приоткрыл один глаз Родж, который был на год старше Ленса. — Бесплезное занятие — женитьба.

— Я посмотрю, как ты будешь петухом летать через неделю! — рассмеялся Стен. — Первым побежишь, вприпрыжку!

— Бесплезное, — гнул свою линию Родж. — Итиль была совершенно права, когда запретила даже заикаться о какой-то свадьбе.

Итилью звали старшую сестру братьев Сеневиля. Каждый год с неизменной надеждой родители везли ее на Рэннол. И каждый год Итиль отказывала всем соискателям ее руки. А супруги Сеневиля лишь вздыхали и ожидали следующего сезона.

Макс, изредка живший в доме Сеневиля, был почти уверен в том, что сестра его друзей отличается довольно нестандартными взглядами, больше подходящими для кааров, но говорить об этом вслух не хотел (чего доброго, даже на императорскую фамилию не посмотрят, побьют, не все ж рады быть в родстве с каарами!).

— Я хотел бы жениться, — чуть мечтательно протянул Стен. — Только разве найдешь девушку, от которой хотелось бы получить ожерелье?!

— Правильно говоришь, — поддержал брата Ленс. — Совсем ведь необязательно, что если девушка красивая, то и характер у нее ангельский. Вот дядя Видер женился на тете Софии, а ведь даже и не подозревал, что обзавелся *подобной* супругой!

Молодые люди разразились гомерическим хохотом. Каждый из них был отлично посвящен в семейные будни четы Эдель. Дядя Видер, славный улыбчивый мужчина с рано прорезавшейся лысиной, боязливо моргал, когда тетя София открывала рот. Голос у тети был силен и ни-

зок. О силе этого доставшегося женщине, баса знал каждый, хоть раз побывавший в семейном гнезде Эдель. София выговаривала гостям, слугам и домочадцам об их грехах и провинностях, даже если оных не находилось. Более других страдал дядя Видер: над его головой всегда шумел огненный смерч! Но все же никакие бури и скандалы не помешали супругам произвести на свет семерых детей.

— Это неправильно, что большая часть знатных молодых людей обручается, даже хорошенько не узнав избранника или избранницу, — протянул Ленс. — Этот праздник — полная чушь!

Максимилиан громко фыркнул и глянул на молодого человека из-под полузакрытых век. Никому из Высоких семей даже в голову не могло прийти, как можно жениться не по расчету, ведь о браке договаривались родители, не оставив молодым людям выбора. Подобное встречалось лишь в семьях ниже четвертой ступени иерархии и в семье... императора.

Родившись младшим из сыновей правителя Роннаве-ла, Макс получил право на свободную жизнь и был этому несказанно рад. Особенно понимание этого пришло к нему после замужества сестры. Принцу потребовалось все упрямство Брусвиков и Сенешвилей — похоже, всех предков! — чтобы отец согласился на союз своей дочери с тем, которого она выбрала себе сама. Джорвин не желал видеть рядом с Марин человека, род которого еле дотягивал до права числиться в гильдии. Путем нечеловеческих усилий Макс все же уговорил отца. И видя, как счастлива Марин, понимал, что не ошибся.

Поднявшись с нагретого солнцем уступа, Макс спрыгнул в воду. Море было таким мутным, что увидеть хоть что-нибудь даже на глубине нескольких ярдов было невозможно. Побег изумрудных водорослей едва колыхалась на поверхности.

Нырнув несколько раз, чтобы остудить кожу, Макс поплыл дальше от берега, широко загребая руками. Там, всего в сотне футов от скалы, вода была более прозрачной. Соль немилосердно щипала кожу.

— Макс, далеко не заплывай! — крикнул ему вдогонку Вик. — Здесь защита от черных осьминогов тонкая. Еще прорвет!

Максимилиан не обратил на его слова никакого внимания. В чем в чем, а в защите, поставленной чародейками древности, он был уверен, как в себе самом.

Вода холодила нагретое майским солнцем тело, кровь горячей лавиной скользила по венам. Набрал в легкие побольше воздуха, Макс нырнул на глубину, следуя за солнечным бликом, выхватившим кусочек песчаного дна в легком пухе жидких нитеподобных водорослей. Внизу, футах в сорока от поверхности, били холодные течения, колыхавшие стайку мелких рыбешек. Дно казалось чуть голубоватым там, куда не попадали лучи солнца.

Ощупывая ладонями песок и валуны, Макс заметил какой-то блеск. Рука наткнулась на небольшой кусочек металла. Зажав свою находку в кулаке, Максимилиан вынырнул на поверхность. Только взобравшись вновь на уступ и подставив спину солнцу, он принялся рассматривать свою находку. Это был медальон. Из золотых нитей был искусно сплетен свернувшийся дракон, а красные, синие и прозрачные камешки рэннола заменяли ящеру глаза, ноздри и чешую. Вещица чем-то напоминала монету империи.

Братья Сеневиль, заглядывая принцу через плечо, во все глаза рассматривали находку.

— Подобные штуки я видел у магов, — подал голос Вик.

— А как он попал на дно? — заинтересовался Ленс. — Так просто ведь их не выбрасывают!

— Это не знак мага. — Макс оторвал взгляд от находки и посмотрел на море — оно усмехалось над ним, растягивая пенные губы в ухмылке. — Я видел знаки магов. Они не похожи на этот...

Максимилиан недоговорил, замолчав на полуслове. Заметив его задумчивый взгляд, братья не стали ничего спрашивать, даже любопытный Ленс не проронил ни звука.

Повертев золотой кругляш и так и эдак — блеск полоснул по глазам, — Макс спрятал медальон в карман своей

куртки. О том, что это и как оно попало на дно, он обязательно узнает. Макс видел подобный медальон всего один раз до этого, да и то мельком. В том, что эта вещица магическая, молодой человек не сомневался, вот только слабо себе представлял, для чего она может быть нужна. Наверное, никто другой в империи не знал этого, кроме магов и кааров.

«Да и магам небось об этом рассказал каар!» — подумал Макс и рассмеялся.

В гостинице пахло сыростью, сам воздух был каким-то затхлым. В день приезда над городом словно прорвалось тяжелое сизое небо, обрушив на Иналь-Бередику холодную стену дождя. Ливни продолжались вот уже несколько дней, грозя отложить праздник на неопределенное время.

Итен маялся, скучал, сидя в столовой с несколькими подобными себе отцами семейств, пил разбавленное хозяином вино и сетовал на судьбу. Майя, зло поглядывая на мужа, читала какую-то книгу, пытаясь отвлечь себя от мыслей об отложенном величии. Сестрички Ксана и Вилена, ничего не замечая, днями болтали с тремя прибывшими в одно время с Дарками девушками. Ольсен пропал неизвестно где.

В обстановке гремучего накала между апатией дяди и бушующим негодованием тети Нала была рада, что ей досталась крохотная, затхлая, но все же отдельная комната. Хотя комнатой это помещение можно было назвать с большей натяжкой: в чуланчике с единственным слепым окошком места едва хватало для узенькой кровати и стула.

От скуки или от безделья Нала плела рэннол. Ожерелье с простым рисунком — ряды белых, синих и красных камней — успокаивало и занимало руки.

— Не думаю, что когда-нибудь смогу его кому-то подарить, — сама себе призналась девушка, рассматривая блестящие камушки, и усмехнулась. — Тетя права.

Спрятав рэннол в бархатный мешочек, Нала устала в окно. Когда-то мама, возвращаясь домой и укладывая Налу спать, весело рассказывала о будущем. Девушка очень хорошо помнила эти выдумки.

«Вот еще несколько лет, дорогая, — Мардж улыбалась (она всегда улыбалась), — и мы с твоим отцом вывезем тебя на твой первый бал! Я совершенно уверена, что на такую красавицу тут же начнут охоту знатные молодые люди, которые захотят назвать тебя своей избранницей! Только обещай мне, милая, — на этих словах мама всегда весело подмигивала, — что не выскочишь замуж за первого встречного. Ты достойна самой лучшей партии. Я это точно знаю!»

На глаза навернулись слезы.

Как же она скучала по тем веселым и сказочным выдумкам матери. Тогда, много лет назад, Нале и в самом деле чудилось, что она принцесса, красавица, всеобщая любимица. Тогда она верила, что достойна лишь дворцов, принцев, почета и славы.

— Нала!

В коридоре послышались быстрые шаги.

Девушка вынырнула из задумчивости и быстро встала, оправляя складки на платье. Через секунду в комнату влетела Виленка.

— Нала! Скорее! Мама зовет! Помоги нам собраться! Пришло послание из императорского дворца. Нас всех ждут там вечером! Думаю, тебе даже разрешат поехать с нами.

Девушка вздохнула и быстрым шагом направилась в комнаты сестер. Там уже вовсю шла подготовка: в воздухе висел резкий аромат духов, летали пылинки пудры и перышки. На небольшой тумбе стояла Ксана, красная и злая. Ее талия была утянута до невозможности, по лицу девушки было видно, что это причиняет ей боль. Но ни мать, ни служанки не обращали на это внимания, наспех зашивая прямо на девушке длинное зеленое платье.

Для Вилены уже было подготовлено другое, темно-лиловое. Нала постаралась как можно дальше отойти от тетушки, опасаясь ее язвительных замечаний. Виленка была только рада утащить ее в угол комнаты, упробив затянуть на ней корсет.

— Только осторожно, — взмолилась Виленка шепотом.

том, — а то мама так сильно зашнуровывала Ксану, что та даже рыдала первые минуты.

Нала улыбнулась и взялась за тесемки обеими руками. Во время дороги в столицу Вилена и Ксана сильно изменились, растеряв остатки былой язвительности на весенних колдобинах. Вечером накануне Ви предпочла компанию Налы причитаниям матери и тихому злomu шепоту сестры.

— Девочки мои! — сладко пропела Майя. — Сегодня вы должны выглядеть так, чтобы все лучшие женихи империи выстроились в очередь, желая заполучить вас себе в жены! Вы меня поняли?

«Девочки» нестройно закивали и переглянулись. Ксана болезненно скривилась и заплакала.

— Мама совсем помешалась на этом, — почти беззвучно посетовала Нале Вилена, пока та застегивала крючки на тяжелом и жестком, словно бумажном платье. — Только и твердит, что мы должны удачно выйти замуж. Ох, Нала, как я тебе завидую.

Последняя не поверила своим ушам, услышав эти слова из уст сестры. Как могла завидовать ей, бедной родственнице, сироте и бесприданнице, красавица Вилена?

Внешне Нала походила на мать — темноволосую и светлоглазую, а из-за частого пребывания на свежем воздухе ее кожа приобрела неприлично темный для благородной девушки оттенок. Никакой болезненной бледности. Да и даже будь она самым эталоном красоты, ей все равно не на что надеяться. Какое там замужество?! Как только она появилась в доме Дарков, сразу была поставлена перед фактом, что хотя ее и взяли родственники отца, но на их любовь и заботу рассчитывать не следует. Тратить на нее время, а тем более деньги, никто не собирался. Уже в девять лет Нала поняла, что ее ждет судьба служанки. Но ничего поделать с этим не могла, ведь иного выхода не было. Конечно, если бы нашлись другие родственники... Но Сорки отреклись от Мардж, а больше неко-го было и вспомнить. Девушка никогда не обижалась на Итена и Майю, ведь они не обещали стать ее родителями.

Но иногда так хотелось почувствовать себя любимой избалованной девочкой.

Когда Нале минуло пятнадцать лет, она подслушала разговор Дарков, из которого следовало, что они не собираются устраивать ее судьбу, ведь для этого необходимо приданое, а таких расходов они себе позволить не могут. Точнее, не хотят, ведь их доходы позволяли им почти все. Вот только желания тратить что-либо на Налу у них не возникало.

Наконец все крючки были застегнуты, а все бантики заняли свое место. К входу в гостиницу подкатил экипаж, строго соответствующий положению семейства. И семейство чинно и с чувством собственного достоинства в него погрузилось. Даже Ольсен поспел вовремя, чтобы занять свое место. Нала очень удивилась, что ее тоже взяли. До последнего момента она была уверена, что тетушка передумает.

Сидя у окошка, Нала всю дорогу рассматривала чистые светлые улочки столицы, невысокие дома под красными черепичными крышами и прохожих. Все было очень красиво — и дома, и улицы, и люди — и совершенно не похоже на Криннорвиль. По мере приближения к императорскому замку улочки заперестрели яркими красками: повсюду в честь праздника развесили флаги и ленты самых разнообразных цветов. Намокшие от дождя, они громко хлопали на ветру, обдавая прохожих россыпью капель.

Но вот экипаж замер, а кучер сообщил, что дальше ехать не может, потому как площадь перед замком для карет перекрыта. Тетушка Майя некоторое время пыталась протестовать, но вскоре смирилась. Идти во дворец пешком было забавно. Нала даже улыбнулась, заметив, что не одни они добираются туда так. Со всех сторон их окружали стайки разодетых и надушенных дам и господ.

Но этот проход стоил того! Площадь была дивной красоты. Бульжники здесь чередовались с удивительными и очень редкими полудрагоценными камнями. Нала подозревала, что с высоты все это великолепие складывается в некий рисунок, но чтобы это увидеть, придется забраться

на самую высокую башню замка. Конечно, ей никто не даст это сделать.

— Интересно, увидим ли мы сегодня принца? — Ксана посмотрела на носки своих туфель.

— Какого из? И потом, принцы уже женаты, сестренка, — усмехнулся Ольсен. — Но не печалься, тебе хватит ухажеров и без них.

— Так ведь младший еще свободен, — вклинилась в разговор Виленка.

— Я слышал, — смотря на сестер с оттенком превосходства, заявил Ольсен, — что Максимилиан Брусвик не собирается жениться в ближайшее время. Да даже и захоти он, то выбор его падет не на вас, мои милые. Он явно осчастливит одну из самых близких к короне фамилий. Выберет себе дочь чародея, например.

— Тогда понятно, почему он отложил женитьбу, ведь самой взрослой и незамужней из дочерей семейств волшебников всего шесть лет! — усмехнулась Нала, но тут же спохватилась, вспомнив, что тетя наказала ей помалкивать и не совать свой нос в чужие разговоры.

Ксана и Виленка с недоумением взглянули на нее.

— А откуда ты знаешь такие подробности? — спросила Виленка.

— Ксю? Ви? Вы что? Не читали справочник родословных, который я вам давала? — воскликнула Майя.

— Мама, мы читали. Но не думали, что его нужно было выучить наизусть! — в один голос ответили сестры.

— Девочки! — всплеснула руками Майя. — Как же вы собираетесь выбирать женихов, если даже не знаете ничего. Я ведь не смогу стоять рядом и помогать вам.

Ксана и Виленка озадаченно переглянулись.

— Но, ма-а-ама, — раздраженно протянула Ксана.

— Ничего, дорогая! — Иген Дарк успокаивающе хлопал жену по руке. — Думаю, наши девочки проявят все свои таланты и не ошибутся с выбором.

Виленка счастливо заулыбалась, не заметив ехидной ухмылки Ольсена. Зато от Ксаны это не ускользнуло. Приотстав, она подхватила Налу под руку и печально пробормотала:

— Порой я тебе завидую.

— Почему? — недоуменно и немного расстроено удивилась девушка, уже дважды за последнее время слыша подобные слова.

— Потому что у тебя нет брата, которого хочется придушить. Собственноручно.

— Я все слышу! — не оборачиваясь, крикнул Ольсен. На это блондинка лишь показала спине брата язык.

— Макс, — Ленс дернул друга за рукав, привлекая внимание, — ты чего опаздываешь?

— Ленс, я не могу опоздать к себе домой, — нравоучительно заметил принц. — Да и чего я здесь не видел? Сколько я себя помню, каждый раз одно и то же.

— Неисправим, — заключил его рыжеволосый друг. — В этом году все Высокие дома придут, да и маги в полном составе. Я уточнял, кто подтвердил визит.

— Ты, как я погляжу, уже все разведал? — ехидно улыбнулся Макс.

— И не только это, — сказал Ленс. — Я случайно слышал разговор императора с моим отцом.

Максимилиан не верил в случайности, когда дело касалось братьев Сеневиля.

— И что ты узнал?

— Твой отец ищет тебе невесту, — громким шепотом выдохнул Ленс.

— Ну и? — равнодушно отозвался Макс.

— Нет, ты не понял. — Глаза Ленса горели. — На самом деле! Джорвин хочет тебя женить. Император считает, что это сделает тебя более серьезным.

— Будто это единственное средство на меня повлиять, — вяло протянул принц. — Он сам знает, что я не связан ни одним договором. Навязать мне какой-либо брак будет очень трудно.

Ленс согласно кивнул, но тревога в его лучистых глазах не стала меньше. Понимая, что проще всего отыскать мать и высказать ей свое мнение — идея с женитьбой явно была ее затеей! — Макс наполнил плоское блюдо медовыми финиками и цукатами и отошел в тень гобеленов.

Цвета императора — синее с золотом — он перестал носить после пятнадцати лет, неизменно облачаясь в черный цвет Высокого дома Сенешвилей, земли которого перешли к нему по наследству после смерти деда, отца матери. В сочетании с черными волосами и темными глазами образ выходил немного пугающим. Но, похоже, юных (да и не очень) девиц это совершенно не останавливало.

Пока на большой приветственный бал собрались еще не все приглашенные. В огромном зале слуг с подносами сновало больше, чем гостей, и они наперебой старались завладеть вниманием присутствующих. На балкончике музыканты выводили какую-то незамысловатую мелодию в ожидании публики.

Макс ел засахаренные фрукты и рассматривал гостей, когда заметил незнакомые ему лица. В дальней части зала собралась группа людей, которых Макс нигде раньше не видел. Возле дородного лысеющего мужчины в одеждах купца томилась высокая женщина. Пара о чем-то постоянно переговаривалась, время от времени кидая хмурые взгляды на двух похожих как зеркальное отражение блондинок. Девушки неестественно улыбались всем проходящим мимо, сильно пугая этим гостей.

Макс усмехнулся. Он отвел от близняшек взгляд, заметив еще одного персонажа из этой странной компании. И улыбка сползла с его лица. Чуть в стороне, за спиной у женщины, переминалась с ноги на ногу девушка. Он плохо видел ее со своего места, а рассмотреть очень даже хотелось. Пришлось отрывать себя от гобеленов. Переместиться незаметно в противоположную часть зала не удалось, а когда он наконец смог отделаться от многочисленных знакомых, которые непременно хотели его поприветствовать, девушки на прежнем месте не оказались. Его это немного расстроило.

Осмотревшись, Максимилиан жестом подозвал к себе первого попавшегося каара. Невысокий худой мальчик в жемчужно-сером одеянии непонятного покроя в мгновение ока оказался сбоку от принца, почтительно склонив голову.

— Кто те люди? — Макс не сделал ни единого движе-

ния, но стоявший рядом каар в этом словно бы и не нуждался.

Мальчик на секунду закрыл глаза, а затем заговорил:

— Это семейство Дарк, ваше высочество.

— Дарки? Впервые слышу.

— Итен Дарк заплатил за звание купца несколько недель назад одному из советников императора, — ответил каар. — Проживают в Криннорвиле, занимаются добычей рэннола.

— Девушка, темноволосая. Кто она?

— Не могу дать вам ответ, ваше высочество, — замялся мальчик. — Нам неизвестно точно. Родственница. Не дочь четы Дарк.

— А имя?

— Также неизвестно. — Каар отступил назад, стараясь избежать дальнейших расспросов.

Было странно, что никто из Знающих не имел сведений об этой девушке.

— Максимилиан! — Тонкая кисть, украшенная громоздкими перстнями, легла на рукав его куртки. — Я думала, ты уже не появишься.

Зная, кого увидит, Макс подавил вздох раздражения и обернулся:

— Здравствуй, Виола!

— Я не перестаю восхищаться этим замком, — ворковала девушка. — Как бы я хотела здесь жить!..

— Думаю, это возможно, — со скрытым злорадством ответил принц. — Только тебе придется стать служанкой. Или чьей-то любовницей... На твой выбор, конечно.

— О, ты невыносим, Максимилиан! — томно и чуть-чуть обиженно вздохнула Виола, легонько шлепнув принца по руке. Обижаться всерьез она опасалась, и этим раздражала Макса больше всего.

На протяжении нескольких лет Виола Классак пыталась добиться расположения Макса. Его и ее родители не видели ничего плохого в возможном браке молодых людей. Вот только сам принц не был согласен с мнением других. С каждым годом настойчивое внимание девушки все больше нервировало принца, вызывая лишь чувство

досады и презрения. Но не к ней самой, а к излишне самоуверенному Высокому дому Классак, вознамерившемуся во что бы то ни стало переселить Виолу в родовое гнездо Брусвиков.

На этот счет Макс мог сказать лишь одно: ничего у них не выйдет. В конце концов, даже отец не сможет заставить его жениться без собственного на то желания.

Раздраженно выдернув руку из цепких лапок Виолы, Макс еще раз осмотрел зал, отыскивая императрицу. Мириль неспешно беседовала с тем самым молодым кааром, которому задавал вопросы принц. Кивнув Виоле и ничего ей не объясняя, Макс направился прямо к выходу из зала. Если он не исчезнет, то мать опять начнет допекать его нравоучениями об отношении к их древней фамилии.

С императрицей ничего нельзя было поделаться, даже Джорвин удивлялся собственной жене, с упорством пытавшейся что-то втолковать их младшему непутивому сыну. Но все попытки неизменно терпели крах под веселые шуточки Марин и ехидные взгляды старших принцев.

За пределами замкового пиршественного зала разливалась удивительная дремотная тишина, даже стражники самовольно покинули свой пост и расслабленно резались в карты, используя вместо стола подоконник. Хотя сейчас и целая армия не посмела бы напасть на замок, зная, что здесь собрались все главные имперские маги. Особенно учитывая, что вся шестерка великих магических семей тоже здесь. Раньше, несколько столетий назад, они назывались семеркой, но и сейчас, несмотря на то что один из родов угас, великие маги наводили страх на все соседние государства.

Макс неспешно побрел в направлении лестницы, когда различил звук какой-то возни за поворотом коридора. Заглянув за угол, он с недоумением уставился на открывшуюся ему картину: двое мужчин в масках, переругиваясь и споря, тащили странный длинный сверток. На секунду они замерли, что-то наперебой втолковывая друг другу, и Макс смог различить, что жертвой злодеев стала женщина.

— Эй, любезные, что это вы тут делаете? — довольно громко возмутился он.

Мужчины дернулись, замерев на месте, один из них повернул голову, внимательно рассматривая Макса. Расстояние между ними мало способствовало узнаванию, в полутемном коридоре принца вполне могли принять за слугу. Один из мужчин что-то шепнул другому, они быстро опустили свою ношу на пол и развернулись к молодому человеку. Все тот же неизвестный сделал пару пассов, будто размял кисть. И Макс свалился на пол, потеряв сознание.

Мужчины уже хотели продолжить свой путь, когда услышалибряцанье мечей. Сюда спешила стража.

— Вот же пакость! — зло дернулся второй неизвестный. — Что будем делать?

— Нужно припрятать и девчонку, и этого парня где-нибудь, иначе мы привлечем слишком много внимания. Потом вернемся.

— Скинем их в потайной ход? — предложил второй. — Там их никто не обнаружит.

— Да, — кивнул первый. — Только бы этот не очнулся раньше времени. Хотя я его знатно приложил.

Пыхтя и отдуваясь, мужчины быстро сграбастали связанную девушку, грубо затолкав ее в небольшую нишу за неприметной дверцей. Туда же отправился и принц. Мужчины еле успели захлопнуть дверцу и сдернуть маски, когда в коридор вошли стражники.

— Господин чародей, — поприветствовал один из них, увидев, что перед ним стоит маг, — мы слышали какой-то шум.

— Всего лишь птица залетела в окно, — небрежно отмахнулся маг. — Но мы быстро ее выгнали. Можете не беспокоиться. Проводите нас в зал, мы еще не успели поприветствовать его величество сегодня.

Кивнув, стражники пропустили мага и его слугу вперед, пристроившись в хвосте процессии.

— Все пошло не по плану, — прошипел давешний собеседник мага, сжимая тонкую ножку серебряного кубка.

— Никто не мог предположить, что в наши дела окажется втянутым принц Максимилиан, — пожал плечами маг.

— Куда ты смотрел, когда применял против него чары? — зло буркнули в ответ. — Теперь будет сложно повернуть все так, чтобы избежать огласки раньше времени. Придется избавиться от Макса.

— Ты хочешь его убить? — ужаснулся маг.

— Того требуют обстоятельства, — небрежно бросил его собеседник. — Он сам сунул нос не в свое дело. Вот и поплатится.

Сознание, блуждавшее где-то высоко-высоко, со стоном возвратилось в истерзанное тело. Максимилиан потянулся, пытаясь размять затекшие мышцы, но больно ударился лбом обо что-то твердое и открыл глаза. И ничего не увидел. Стараясь не паниковать, он вытянул вперед и вверх руки, обследуя пространство, и вскоре обнаружил, что находится в какой-то каменной трубе шириной и высотой не более двух футов. Ноги упирались в стену — видимо, там был тупик.

Сдерживая одолевающую его панику, Макс пополз вперед. Острые камни больно царапали ладони, с потолка на лицо падали холодные крупные капли. Через несколько ярдов тоннель закончился. Нащупав край, Макс, не задумываясь, соскользнул вниз, больно приземлившись на каменный пол, залитый водой, которая едва-едва доходила до щиколоток. Кряхтя и придерживаясь рукой за стену, принц принялся обследовать пещеру.

Из стен сочилась ледяная вода, от которой по спине пробегали мурашки. Обследовав одну стену, Макс перешел к соседней, но тут его нога наткнулась на что-то мягкое, недовольно застонавшее. Присев на корточки, Максимилиан быстро нащупал теплое человеческое тело, судя по всему женское, плотно стянутое кожаными ремнями. В абсолютной темноте он не видел ничего, но сумел вытащить изо рта связанной женщины кляп, а затем и развязать ее путы.

— Как вы? — первым делом спросил он.

— Ничего, — измученным голосом тихо ответила женщина. — Только тело затекло. И пить хочется.

— Что вы помните из произошедшего? — уточнил Макс. — Я только видел, как вас куда-то несли двое, а потом — полная пустота. Даже не представляю, где мы сейчас находимся.

— Я ничего не помню, — устало молвила его собеседница. — Даже меньше, чем вы, ваше высочество.

Принц немного опешил от такого обращения. Эту женщину он ни разу в жизни не видел, она явно не входила в число его знакомых, иначе бы он запомнил голос. Но вот ей как-то удалось узнать его!

— У вас такое лицо... — прошептала женщина.

— Вы меня видите?! — поразился Макс еще больше.

— Да, но только в каком-то сером цвете, — отозвалась пленница. — А вы что? Ничего не видите?

— Здесь очень темно... Простите, я не знаю вашего имени.

— Нала, Нала Линер, — отозвалась та, — ваше высочество.

— Знаете, Нала, давайте без этих всех «вашеств» и выканья? Просто по именам. Называй меня Макс. Мы сейчас в такой ситуации, что просто глупо...

— Хорошо, — быстро согласилась Нала. — Это и в самом деле странная ситуация.

— Что ты видишь? — Макс потянулся и, опираясь о стену, встал, помогая подняться девушке.

— Что там, в той дыре, откуда ты появился?

— Тупик.

— У нас над головой есть еще одно отверстие, правда, оно выше.

Макс потянулся вверх, чтобы нащупать край проема.

— Нет, еще выше, — остановила его Нала, — ты не достаешь почти два фута.

— Какого размера дыра? — уточнил Макс, пытаясь примерится для прыжка.

— Ширина фута четыре, — ответила девушка, подталкивая его так, чтобы он стал как раз под отверстием. Подпрыгнув и упершись ногами в стену, Макс без труда уце-

пился за край дыры и втянул себя внутрь. Следующие несколько минут он ощупывал стены, пытаясь понять, где оказался. Здесь тоже был какой-то узкий проход, но без девушки он не мог определить, насколько он продолжительный. Из глубины лаза тянуло сквозняком, значит, там мог быть выход.

— Хватайся. — Принц наугад вытянул руку вниз.

Нала без раздумий уцепилась за протянутую руку, почти сразу ощутив, как ее ноги отрываются от пола. И тут же ее пальцы заскользили по ладони принца. Нала пискнула, представив, как сейчас шлепнется вниз, но второй рукой Макс схватил ее за платье между лопаток, затрещала ткань, но девушка уже оказалась втянутой в тоннель и плотно прижатой к принцу. Они долго лежали, переводя дух и не думая ни о чем. Тишину нарушало лишь их хриплое дыхание.

— Нужно выбираться отсюда, — прошептал Макс девушке в шею. — И чем быстрее, тем лучше.

Нала кивнула в темноту, забыв, что молодой человек ее не видит, и неуклюже сползла с принца. Путаясь в мокрых юбках, она осторожно поползла внутрь шахты. Макс последовал за ней, надеясь, что им удастся выбраться.

— Нала, ты из какой-то семьи магов? — пыхтя позади, спросил молодой человек.

Девушка на секунду замерла, не ожидав от него подобного вопроса.

— Почему ты так решил?

— Видеть в темноте может не каждый, — просто ответил принц.

— Я не знаю, как сказать: из магической я семьи или нет. Мой дед маг, но мама не унаследовала его способностей, хотя в семьях магов такое случается редко. Чаще магические способности отсутствуют у сыновей, дочери же всегда рождаются с даром. Но моя мама оказалась исключением. И дедушка практически возненавидел ее за это.

— Я знаю! — воскликнул Макс неожиданно. — Подобное в самом деле бывает слишком редко, чтобы не привлечь всеобщего внимания. Мне было пять лет, когда в

Иналь-Бередики каждый дом и каждую комнату наполнили слухи об огромном скандале в семье Сорк.

— Да? — удивилась девушка. — Мама никогда не говорила, что обо всем узнали окружающие. По ее словам, все были уверены, что она сбежала...

— Удивительно, что даже каары не знали о местонахождении Мардж Сорк.

— Дедушка выгнал ее из дома. А через пару недель после этого она вышла замуж за моего отца, Сена Линера, каара.

— А! Тогда все становится на свои места, — усмехнулся принц. — Я еще был очень маленький и, возможно, не вспомню всего, но история была такая. И то, что твой отец каар, многое объясняет! Вероятно, каары сознательно скрыли всю информацию о твоей матери от любопытных. Но сути это не поменяло. Все говорили, что Мардж сбежала. С этого все и началось и покатилося, как лавина. Именно тогда у многих закрались сомнения в правдивости той версии, которую выдвигал Эдвил Сорк. Случилось множество событий, приведших к тому, что теперь, спустя двадцать лет, среди верховных семей магов клан Сорк носит прозвание отлученного. Я так понимаю, что твой отец служил у этого клана?

— Да.

— Видимо, каары так наказали твоего деда. После исчезновения твоей матери каары больше не служат у Сорков. Это равносильно тому, что Сорки потеряли половину всей своей власти. Да, они пока еще входят в состав семерки магистров-советников, но все это временно.

— Но ведь главных магических семейств только шесть? — вспомнила Нала.

— Это теперь. Но первоначально их было семь, по числу чародеек-основательниц, окруживших наш континент защитой от черных осьминогов. И в память об этом, несмотря на утрату одной династии, многие в Иналь-Бередики продолжают называть советников семеркой. В кабинете отца есть стол совещаний. Он очень старый. И вокруг него всегда стоит восемь стульев (один для императора, как ты понимаешь), пусть восьмой и остается

пустым. Но кроме кааров было еще кое-что. Возможно, ты не знаешь, но твоя мать была младшей из пяти сестер. Со времен основательниц повелось, что младшая либо единственная дочь младшей дочери наследует символ власти клана, чтобы своей силой поддерживать защитный контур. Правда, реализовать свое право на место в совете женщинам редко удавалось, и, как правило, главой клана и советником императора от магов становился супруг наследницы. Принято считать, что именно младшие дочери получают самую большую силу. Возможно, именно из-за этого Эдвил так и бушевал, ведь Мардж, как он считал, подвела весь их род. Когда умерла Кларисса Сорк, твоя бабушка, то через положенные одиннадцать дней провели ритуал передачи символа Катарине, самой младшей из оставшихся дочерей твоего деда. Символ ее не признал. И ни одну из других чародеек семейства. Сорки перебрали всех. Даже дальних родственниц, а их немало. Всего двадцать шесть провальных посвящений. Тогда попытались найти информацию о твоей матери, но узнали лишь, что она погибла. И, по имеющимся сведениям, ты тоже. Самое интересное, что поисками занимались чародеи совета. Видно, кому-то из них зачем-то понадобилось скрыть твое местоположение. Ты узнала тех, кто на тебя напал?

— Я не знаю, — прошептала девушка, пробираясь через узкое место тоннеля. — Я впервые была в замке. Дядя получил разрешение на участие в ритуале только в нынешнем году, а перед этим он пытался добиться его несколько лет.

— Это также явно не случайно, — подытожил Макс. — Кстати, знаешь, я немного помню твоего отца. После ухода от Сорков он какое-то время служил императору.

Нала кивнула в пустоту перед собой, продолжая карабкаться по шахте. Тоннель вильнул, расширился и под прямым углом пошел вверх. Одна из стен слабо светилась радужными бликами.

— Тут свет, — не веря самой себе, сказала девушка, ощупывая руками камень, который оказался гладким и теплым. Нала удивилась еще больше, когда сообразила,

что перед ней — огромный трехцветный самородок рэннола.

— Это рэннол, — сказала она подползшему Максусу — тоннель здесь был достаточно широк, чтобы вместить их обоих. — Через него просвечивает.

— Может, удастся вытолкнуть его. — Максимилиан ощупал камень, чтобы понять его размеры, и ощутил легкое движение воздуха. Упершись руками в рэннол, принц со всех сил ударил ладонями. Поднялось облако пыли, сверкнул ослепительный луч, и самородок, оглушительно заскрежетав, вывалился из своего гнезда. Когда пыль немного рассеялась, молодые люди с интересом заглянули в образовавшийся провал, одновременно удивленно воскликнув.

Тоннель вывел их в небольшую пещерку, вход которой был залит ярким солнцем. Макс перекинул себя через край, легко приземлившись в трех метрах ниже отверстия на каменный пол. Самородок рэннола отлетел к стене и зарылся в пыль.

— Прыгай, я поймаю! — скомандовал принц.

Девушка с опаской свесила в дыру ноги и с визгом соскользнула в объятия Максимилиана. Тот ловко подхватил Налу на руки, будто не первый раз проделывал подобный трюк. Взглянув в лицо девушке, принц неожиданно узнал ее. Это была та самая девчонка, которая заинтересовала его на балу.

— Интересно, где это мы? — спросил Макс, опуская Налу на землю и стараясь скрыть свое смятение.

— Мы в Криннорвиле, — уверенно заявила девушка, с интересом косясь на вход пещеры.

— Шутишь? — усмехнулся Макс. — Это сколько же мы были без сознания, что нас успели завезти в горы?

— Ты еще забыл, что нас запихнули в эту шахту, — пожала плечами девушка. — Но мы точно в горах. Я даже отсюда слышу шум Сонэкрин. И этот звук я ни с чем не спутаю!

Нала уверенно взобралась на уступ перед входом в пещеру, вышла наружу, оказавшись на вершине холма, и вскрикнула:

— Не может этого быть! Этого не может быть!

— Что случилось? — спросил Макс, осматривая широкую долину внизу. Он обвел взглядом все вокруг, зачарованный видом.

— Долина! Этого не может быть!

— Да что случилось-то? — Макс слегка встряхнул девушку за плечи, будто желая вытрясти из нее ответ.

— Это наша долина! Я знаю точно! Но это... это невозможно! — Она повернулась к нему — бледное лицо, расширенные зрачки зеленых глаз. — Здесь ничего нет! Ни рудников, ни дома...

— Как это? — Макс еще раз осмотрелся, не понимая, о чем говорит Нала. Но та быстро ему все объяснила, сунув в руки небольшой мешочек с вышитым рисунком. Умелый мастер изобразил очень реалистичный пейзаж: долины меж невысоких и слегка приплюснутых гор, покатые крыши домиков, притулившихся к дальним отвесным скалам. Та же самая долина, но... совсем другая.

— Может, просто похожее место? — предположил он.

— Нет! Я же выросла здесь. Я уверена, — покачала головой Нала. — Смотри! Вон там сверкает Сонэкрин. Видишь? — Она указала на блестящую ленту, огибавшую левый склон самой высокой горы. — Южнее Верховье, на севере — Беджерован, Таналиас. Это поселения. Рядом с ними добывают руду. А вот здесь, в долине, должен быть Дарколенос — семья моего дяди начала добывать здесь рэннол еще несколько веков назад. Если только...

Тут девушка запнулась.

— Макс, либо я ошибаюсь, либо мы каким-то образом очутились в прошлом.

— Шутишь? — с надеждой спросил принц.

— Нет. Не шучу. Знаешь, как здесь началась добыча? — Девушка вдруг рассмеялась. — Предки Дарков обнаружили здесь огромный самородок рэннола. В одной из пещер!

Макс рассмеялся.

— Пять минут назад Максимилиан Брусвик собственноручно почти заложил поселение в русле реки Сонэкрин, появившееся за несколько веков до его рождения.